

В. Г. Белинский

Кантемир



Виссарион Белинский

Кантемир

«Public Domain»

1845

Белинский В. Г.

Кантемир / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1845

В статье о Кантемире Белинский изложил ряд важнейших положений, составляющих его историко-литературную концепцию: разделение литературы XVIII века на сатирическую и риторическую, утверждение сатирического направления как наиболее важного и значительного, свидетельствующего о постоянном стремлении русской литературы сблизиться с жизнью и тем самым стать литературой самобытной, национальной. Если Белинский в своих оценках писателей риторического направления (и прежде всего Ломоносова) ошибочно придал преувеличенное значение элементу подражательности, то в творчестве писателей сатирического направления, начиная с Кантемира, Белинский неизменно подчеркивал их оригинальность и самостоятельность. В этом заключалась наиболее ценная и глубокая идея в воззрениях Белинского на историю русской литературы.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Виссарион Григорьевич Белинский Кантемир

Русскую литературу начинают с Ломоносова, – и справедливо. Ломоносов действительно был основателем русской литературы. Как гениальный человек, он дал ей форму и направление, которые она надолго удержала. Каковы были эта форма и это направление – вопрос другой; дело в том, что дать форму и направление целой литературе мог только человек необыкновенный, но, несмотря на общее согласие в том, что русская литература начинается с Ломоносова, все начинают ее историю с Кантемира. Это тоже справедливо. Если Кантемир и Тредьяковский не были основателями русской литературы, их труды некоторым образом были как бы предисловием к ее основанию. Оба они, особенно последний, брались за то, за что прежде всего должно было взяться; но оба они не имели достаточных средств для выполнения предлежавшего им дела. Впрочем, к Кантемиру это относится гораздо меньше, чем к Тредьяковскому. Кантемир не столько начинает собою историю русской *литературы*, сколько заканчивает период русской *письменности*. Кантемир писал так называемыми силлабическими стихами, – размером, который совершенно несвойствен русскому языку; но этот размер существовал на Руси задолго до Кантемира. Он зашел к нам из Польши через Малороссию, в XVI столетии. Этим размером писали и Петр Могила, и Димитрий Ростовский, и Симеон Полоцкий; но их стихи были духовного содержания, не блистали поэзией и отличались однажды навсегда принятой и неподвижной риторической формой; Кантемир же *первый* начал писать стихи, тем же силлабическим размером,^[1] но содержание, характер и цель его стихов были уже совсем другие, нежели у его предшественников на стихотворческом поприще. Кантемир начал собою историю светской русской литературы. Вот почему все, справедливо считая Ломоносова отцом русской литературы, в то же время не совсем без основания Кантемиром начинают ее историю. Несмотря на страшную устарелость языка, которым писал Кантемир, несмотря на бедность поэтического элемента в его стихах, Кантемир своими сатирами воздвиг себе маленький, скромный, но тем не менее бессмертный памятник в русской литературе. Имя его уже пережило много эфемерных знаменитостей, и классических и романтических, и еще переживет их многие тысячи. Этот человек, по какому-то счастливому инстинкту, первый на Руси свел поэзию с жизнью, – тогда как сам Ломоносов только развел их надолго. Поэзия Кантемира уже по тому одному, что она была сатирической, не могла быть риторической. Не только при Кантемире, но и гораздо спустя после него русская литература могла, если б поняла свое положение, смеяться и осмеивать, а между тем она больше восторгалась и надувалась. Впрочем, действительность-таки взяла свое, – и русская литература как-то сама собою, бессознательно, разделилась на сатирическую и риторическую. Значительная часть сочинений Сумарокова в сатирическом роде, – и, несмотря на тупость и аляповатость сатирической музыки этого неутомимого писателя, стремившегося к всеобъемлемости и ничего не обнявшего, его нападки на подъячих не были бесполезны: если они не исправляли нравов, зато поддерживали в обществе сознание, что порок есть все-таки порок, хотя бы он был и неизбежным злом.^[2] Следовательно, благодаря, может быть, заслуге одной только литературы, у нас зло не смело называться добром, а лихоимство и казнокрадство не титуловались благонамеренностью, как это всегда водилось и теперь водится, например, в Китае. И могло ли это быть у нас иначе, если сатирическое направление, со времен Кантемира, сделалось живою струею всей русской литературы?

[1] В действительности сатиры Кантемира, в их последней редакции, были написаны не традиционным, а реформированным силлабическим стихом, основные принципы которого были сформулированы им в «Письме Харитона Макетина к приятелю о сложении стихов русских» (1742).

[2] Объективно-историческая оценка Сумарокова была дана Белинским в 1847 году в рецензии на роман Н. Кукольника «Два Ивана, два Степаныха, два Костылькова» (см. Полн. собр. соч., т. X, стр. 489–190).

Не говоря уже о Фонвизине, которого превосходный талант был по преимуществу сатирический, – сам Державин, который, по духу своего времени, риторическую превыспренность считал заодно с поэзией, – заплатил большую дань сатире. И еще далеко не успел блестящий лирик века Екатерины допеть своих громозвучных од, как явился на Руси национальный баснописец – Крылов. Это сатирическое направление, столь важное и благодетельное, столь живое и действительное для общества, в котором так странно боролась прививная европейская форма с азиатской сущностью родной старины, – это *сатирическое* направление никогда не прекращалось в русской литературе, но только переродилось в *юмористическое*, как более глубокое в технологическом отношении и более родственное художественному характеру новейшей русской поэзии.

Говоря о Кантемире, нет нужды распространяться в биографических подробностях; но не мешает взглянуть бегло на жизнь Кантемира в ее связи с литературой. Есть на русском языке старинная книжица, изданная Новиковым в 1783 году, под титулом: «История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира, сочиненная Санктпетербургской Академии Наук покойным профессором Беером с российским переводом, и с приложением родословия князей Кантемиров».^[3] В этой книжице сказано, что Кантемиры свой род производят от крымских татар, и доказано, кстати, что в этом обстоятельстве для Кантемиров нет ничего унижительного, потому что «знатностию породы, каковую предки наши, или на прямой добродетели, или на некоей мнимой славе в своем утвердили потомстве, татары нам не токмо ни мало не уступают, но еще гораздо больше, нежели мы, благородством знаменитейших мужей превозносятся: ибо нет у них ни единого такового важного и храброго дела, за которое подлой или простолюдин мог бы когда-нибудь причтен быть в число мурз». После такого поистине татарского воззрения на несомненность родовой знаменитости князей Кантемиров наивная книжица неоспоримо доказывает, что Кантемиры происходят по прямой линии от Тамерлана, что видно из самого их имени: *Кан-Тимур*, то есть родственник Тимура. Но для русской литературы все равно, от Тамерлана или еще древнее – от Адама произошел сатирик Кантемир. Для нее довольно знать, что он был сын молдавского господаря Димитрия Кантемира, столь известного в истории Петра Великого по турецкой войне, кончившейся миром при Пруте. Князь Димитрий был человек ученый; с особенным удовольствием занимался он историею, «был весьма искусен в философии и математике и имел великое знание в архитектуре»; был членом Берлинской академии; говорил по-турецки, по-персидски, по-гречески, по-латине, по-итальянски, по-русски, по-молдавски, порядочно знал французский язык и оставил после себя несколько сочинений на латинском, греческом, молдавском и русском языках. Из них «Система мухаммеданского закона» по повелению Петра Великого напечатана в Петербурге в 1722 году. Очень естественно, что у такого отца дети были людьми учеными и образованными.

^[3] Первая биография Кантемира была составлена его другом, аббатом Венути, и напечатана на французском языке при лондонском издании сатир Кантемира (1749) под заглавием «*Vie du prince Antiochus Cantemir*». Она легла в основу всех последующих биографических статей о Кантемире. В названной Белинским книге Беера (Байера) на стр. 330–358 был помещен русский перевод биографии Венути (с некоторыми исправлениями и дополнениями). Заимствуя из этой книги данные о жизни сатирика, Белинский, очевидно, не обратил внимания на справку об источнике биографии на стр. 330–331. Ускользнуло от его внимания и то обстоятельство, что другой перевод этой же работы был помещен в 1815 году в журнале П. Строева «Современный наблюдатель российской словесности» (№ 7, стр. 137–146, № 8, стр. 153–164 и № 9, стр. 169–175).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания